УДК 342.41 DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-4-94-100

ФОРМИРОВАНИЕ ДОКТРИНЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Подолян Диана Александровна старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Институт водного транспорта имени Г. Я. Седова – филиала ФГБОУ ВО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова»
(344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, улица Седова, 8).
E-mail: podolyanda@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются сложившиеся коллизии национальной и наднациональной правовых систем в процессе правоприменения, затрагивающие национальный конституционный правопорядок государства. Данная проблема может рассматриваться в контексте покушения на конституционные принципы, конституционный строй государства, в конечном счете, на его суверенитет. Данная работа посвящена изучению причин формирования доктрины конституционной идентичности, поиску общих принципов, составляющих ее основу и содержание. Толкование норм международного права органами наднационального судебного контроля не должно выходить за рамки защиты общепризнанных прав человека и посягать на сложившиеся конституционные принципы реализации прав человека с учетом особенностей национального менталитета и историко-правых традиций.

Ключевые слова: *государство, суверенитет, конституционный правопорядок, конституционный строй, конституционная идентичность, правовая доктрина, Конституционный Суд Российской Федерации.*

Современная политика западных держав направлена на установление угодного для них правопорядка во всем мире. Подтверждением тому служит повестка дня 65-го заседания Бильдербергского клуба, прошедшего 1 – 4 июня 2017 г. в Шантильи, штат Виргиния, США, которая включала вопросы трансатлантических отношений, глобализации, роли России в международном порядке.

Настоящая статья затрагивает тенденции мировой политики, в той мере, в которой возможно объяснить их влияние на современное мироустройство, отражающееся в международном правоприменении. Актуальной продолжает оставаться позиция Президента Российской Федерации Владимира Путина, заявленная на итоговой пленарной сессии XI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», о том, что международное право сдает свои позиции под давлением политической целесообразности [1].

Соответствуя закономерностям глобализации, международной политике сильных мира сего, международное правовое регулирование преобразовалось в инструмент противоборства за мировое доминирование. Деятельность международных организаций в большинстве случаев отражает тенденции мировой политики, не учитывая национальную волю конкретных государств.

В контексте вышеизложенного среди целей международного правового регулирования закрепились в том числе: унификация правовых норм, доминирование международных институтов и организации в правоприменении, верховенство международных норм перед национальными. Указанные цели и интересы проявляются в

источниках международного права, в актах правоприменения – решениях международных судебных органов через **"judicial activism"** [2, с. 30 – 58].

Такие тенденции развития международного правого регулирования могут повлечь «размывание» национальных интересов, назначения национального права, что в конечном итоге приведет к подрыву национального правопорядка и утрате национального суверенитета. В целях сохранения конституционных устоев государства, государственного правопорядка и суверенитета в правовой мысли последних лет сформировалось понятие конституционной идентичности, которое подразумевает совокупность национальных правовых и социокультурных особенностей того или иного государства, выражающихся в его конституционных нормах о фундаментальных правах и основах конституционного строя.

Правовой менталитет отдельных европейских государств, несмотря на провозглашение «объединенной Европы», признает необходимость установления границ исключительного политического регулирования государством, что уже отмечено в германской юридической литературе [3, с. 94]. При этом подчеркивается, что нарушение границ в ходе всепоглощающей европейской интеграции недопустимо.

Европейские государства сохраняют границы правового регулирования с целью защиты своей национальной уникальности посредством конституционного судопроизводства, поскольку столкновение интегративных норм Европейского Союза и национальных норм, носящее конституционный характер, порождает необходимость поиска наименее болезненного решения для гарантий незыблемости конституционного уклада государства.

Министр юстиции Венгрии, профессор права Ласло Торцани отмечает, что в рамках Европейского Союза конституционные суды принимают очень важные решения, сохраняющие конституционную идентичность этих стран [4]. В одном из решений Конституционного суда Венгрии сделан вывод о компетенции в рамках Европейского Союза, в котором в частности сказано, что эта компетенция не может быть реализована таким образом, чтобы нарушался конституционный уклад внутри Венгерского государства. В данном решении речь идет о необходимости организации своего рода конституционного диалога, который должен основываться на принципах равноправия, коллегиальности, взаимного уважения и сотрудничества.

В Германии контроль за сохранением границ исключительного государственного регулирования на основании национальных конституционных принципов отнесен к подведомственности Федерального конституционного суда, что позволяет Федеральному конституционному суду оставить за собой последнее слово. Согласно вынесенному 14 октября 2004 г. Решению Федерального конституционного суда Германии по делу "Гергюлю (Gorgulu) против Германии" (2 BvR 1481/04 (BVerfGE 111, 307)) "основной закон имеет целью интеграцию Германии в правовое сообщество мирных свободных государств, но он не предусматривает отказа от суверенитета, закрепленного, прежде всего, в германской Конституции. Следовательно, не противоречит цели приверженности международному праву, если законодатель, в порядке исключения, не соблюдает право международных договоров при условии, что это является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов" [5].

Анализ практики конституционного судопроизводства Германии в контексте рассматриваемого вопроса позволяет согласиться с мнением о том, что негативный фон, который сложился в международных отношениях применительно к Российской Федерации, вовсе не представляет собой обязательное условие для самой постановки рассматриваемого вопроса, поскольку он в принципе не является чисто российским и не порожден исключительно желанием России достойно ответить на принятые в отношении ее негативные меры [6, с. 1 – 6].

Данное мнение может быть также подтверждено примером рассмотрения Европейским Судом по правам человека дела "Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации" (жалоба N 11157/04, 15162/05) [7]. При рассмотрении указанного дела был принят во внимание сравнительно-правовой анализ, проведенный в рамках разбирательства в Большой Палате Европейского Суда дела "Скоппола против Италии (N 3)" (Scoppola v. Italy) (N 3) (жалоба N 126/05, §§ 45 – 48). Содержащийся в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 анализ права и судебной практики высоких договаривающихся сторон показал, что девятнадцать из сорока трех государств-участников, упомянутых в этом исследовании, предоставляют заключенным право голоса без каких-либо ограничений (Албания, Азербайджан, Хорватия, Кипр, Чехия, Дания, Финляндия, Ирландия, Латвия, Литва, Молдова, Черногория, Сербия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, "бывшая Югославская Республика Македония" и Украина). Семь государств-участников (Армения, Болгария, Эстония, Грузия, Венгрия, Россия и Соединенное Королевство) автоматически лишают осужденных заключенных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, права на участие в голосовании. Остальные – семнадцать государств-участников (Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Франция, Германия, Греция, Италия, Люксембург, Мальта, Монако, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Сан-Марино, Словакия и Турция) приняли промежуточный подход: лишение избирательных прав заключенных зависит от вида преступления и/или длительности срока лишения свободы. При этом в некоторых государствах этой категории решение о лишении осужденных заключенных права на участие в голосовании относится на усмотрение суда по уголовным делам (Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Греция, Люксембург, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния и Сан-Марино). В Греции и Люксембурге по делам об особо тяжких преступлениях лишение избирательных прав производится независимо от судебного решения.

Национальное право указанных стран признает применение подобных «capitus deminutio» , если они не посягают на саму сущность права избирать и не являются произвольными, что само по себе не может считаться необоснованными в соответствии с требованиями Всеобщей декларации прав человека (статьи 21 и 29), Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 25), Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств *(статья 18)* и *статьи 3* Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Таким образом, значительное число государств – участников устанавливают в качестве допустимой меры ответственности лиц, осужденных за совершение преступления, лишение избирательных прав, либо тем или иным образом ограничение в активном избирательном праве. В связи с этим отсутствует европейский консенсус, обосновывающий принятое решение по данному делу, под которым признается общее согласие большинства государств – участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод, или, по крайней мере, относительное единообразие подходов к рассматриваемой сфере правоприменения.

Между тем наличие консенсуса является «conditio sine qua non» соответствия презумпции легитимности актов международного правоприменения. Определение консенсуса Европейским Судом по правам человека посредством проведения анализа права и судебной практики высоких договаривающихся сторон служит общепринятым неотъемлемым правовым инструментарием при рассмотрении дел. Если исходить из позиции о том, что наличие европейского консенсуса подтверждает легитимность решений Европейского суда по правам человека [8, с. 58 – 77], то при его отсутствии соответственно обоснованность судебного акта вызывает большие сомнения. Отсутствие консенсуса порождает основания для государства-ответчика не

следовать принятому судебному акту при наличии коллизий национальной и наднациональной юрисдикций.

Безусловно, правовая сущность коллизий национальной и наднациональной юрисдикций носит конституционный характер, поскольку покушается на суверенитет национального конституционного права. При наличии столкновения европейского права не просто с нормами национального законодательства, а с нормами национальной конституции, принятой гражданами государства, необходим поиск компромисса. Конституционный Суд Российской Федерации в вышеупомянутом Постановлении указывает на невозможность взаимодействия европейского и конституционного правопорядков в условиях субординации.

При рассмотрении запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации указал, что решение уполномоченного межгосударственного органа, в том числе постановление Европейского Суда по правам человека, не может быть исполнено Российской Федерацией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы международного договора, на котором основано это решение, нарушает соответствующие положения Конституции Российской Федерации.

Защищая конституционный суверенитет государства, Конституционный Суд Российской Федерации указывает на различие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков. Основой надлежащего равновесия различных правовых систем является диалог между ними. Эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском правопорядке во многом зависит от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности. Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации выразил готовность к поиску компромисса ради поддержания этой системы, границы которого «ratione materiae» очерчивает именно *Конституция* Российской Федерации [9].

В соответствии со статьей 3 Конституции Российской Федерации носителем *суверенитета* и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Осуществляя свою власть непосредственно, народ нашего государства принял Конституцию Российской Федерации. Конституция Российской Федерации имеет верховенство на всей территории Российской Федерации, высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации (статьи 4, 15 Конституции Российской Федерации). Рассматриваемое верховенство Конституции определяет аксиологический элемент исследуемой доктрины.

Программные положения конституционной идентичности базируются на недопустимости посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации, выраженные в Конституции Российской Федерации, имеющие, как отмечено ранее, высшую юридическую силу [10, с. 3 – 8]. Под «посягательством» понимается

субъективное толкование Европейским Судом по правам человека норм международного права в конкретном деле, содержащееся в его Постановлениях, подлежащих исполнению договаривающейся стороной, реализация которого не согласуется с конституционным правопорядком государства.

Разрешение конституционно-правовых коллизий, которые могут возникнуть в связи с толкованием международного договора Российской Федерации, должно быть основано на принципе суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету государств, а также на принципе невмешательства во внутренние дела государств [11]. Данные доктринальные принципы в полной мере соответствуют принципам развития любого суверенного правового государства.

Как отмечено известными российскими правоведами [12, с. 52 – 78; 13, с. 88 – 96], в основе устранения сложившейся коллизии столкновения национального и наднационального правопорядков должно лежать требование обеспечения безусловного верховенства и прямого действия *Конституции.*

Таким образом, анализируемые акты конституционного правоприменения позволяют прийти к выводу о том, что в Российской Федерации сформировалась доктрина конституционной идентичности, направленная на защиту суверенитета и конституционного строя Российской Федерации от посягательств вышеупомянутых политических и правовых процессов.

Но является ли конституционная идентичность универсальной категорией, применимой во всех правовых системах? Полагаю, что – да. Это интегрирующая категория, отражающая всю правовую организацию идентичности правовой системы государства, его целостную правовую действительность, особенности конституционного строя государства.

При этом конституционная идентичность в системе ценностей права играет ключевую роль. Ценность данной доктрины заключается в том, что она раскрывает акцессорный потенциал для комплексного анализа правовой системы государства. Доктрина конституционной идентичности позволяет с помощью научной абстракции выявить существенные стороны конституционного построения правовой системы государства через призму его историко-правовых и этнокультурных особенностей. Аналитическое преимущество доктрины конституционной идентичности проявляется при исследовании особенностей соотношения международного и внутригосударственного права, современного конституционного правосознания и отражается в общей парадигме современного правового пространства.

С помощью рассматриваемой доктрины наиболее точно определяются значение и место национальной идентичности в формировании правовой позиции конституционного правосудия, в механизме государственного правопорядка, а также корреляционные, субординационные связи между доктриной, как элементом правовой системы, и правовой системой в целом.

Несмотря на неравенство элементов правовой системы по своему значению, юридической природе, степени регулятивного воздействия на правоотношения, они подчинены общим связям и в рациональной форме отражают правовую действительность в целом. Таким образом, исследование доктрины конституционной идентичности позволяет определить путь развития суверенного правового государства.

Как отмечено в юридической научной литературе, современная теория права требует всестороннего анализа и оценки возникшей сегодня новой правовой реальности, которую в полной мере отражает рассматриваемая доктрина.

Зародившись «на гребне» волюнтаристских актов европейских судов, доктрина конституционной идентичности, оправданно применяется как Конституционным Судом Российской Федерации, так и органами конституционного контроля различных государств. При этом, как было отмечено ранее, доктрина является юридиче-

ским инструментарием, используемым для защиты правовых национальных ценностей государств. По убеждению российского ученого-конституционалиста В. Д. Зорькина, «…концепция национальной конституционной идентичности позволяет определять наиболее значимые положения Конституции и основанного на них национального правопорядка и служит сдерживающим фактором, правовой преградой на пути непредсказуемой активистской экспансии со стороны наднационального регулирования» [14].

Сложившаяся практика высших судов сформировала официальную юридическую теорию, включающую систему воззрений и руководящие принципы правоприменения, выразившуюся в доктрине конституционной идентичности. Доктрина позволяет разрешить проблему соотношения национального и наднационального правопорядков, чётко определить пределы международного регулирования в рамках совершенствования международного права и действия принципа национального суверенитета.

Литература

1. Итоговая пленарная сессия XI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай»: «Мировой порядок: новые правила или игра без правил?» // http://www.kremlin.ru.
2. *Ковлер А. И.* Явление судейского активизма: особые мнения судей Европейского Суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian yearbook of the European convention on human rights) М. В. Агальцова, А. Ю. Бушев, М. Р. Воскобитова и др. М.: Статут, 2016. Вып. 2: "Автономное толкование" Конвенции и "судейский активизм". 656 с.
3. Международное право = Volkerrecht // Вольфганг Граф Витцтум, М. Боте, Р. Дольцер и др.; пер. с нем. Н. Спица; сост. В. Бергманн; 2-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2015. Серия "Германская юридическая литература: современный подход". Кн. 2. 1072 с.
4. Доклад Министра юстиции Венгрии Ласло Торцани // Дискуссионная сессия: Роль конституционного права в современном мире. VII Петербургский Международный Юридический Форум 2017 // http://www.spblegalforum.ru.
5. Решение Федерального конституционного суда Германии от 14 октября 2004 г. по делу "Гергюлю (Gorgulu) против Германии" (2 BvR 1481/04 (BVerfGE 111, 307)) // htth://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/204/10/rs20041014_2bvr148104.html.
6. *Маврин С. П.* Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России // Журнал конституционного правосудия. 2015. N 6.
7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. Дело "Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации" (жалоба NN 11157/04 и 15162/05) (Первая секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014, N 2 // http://base.garant.ru/70639826/.
8. *Дягтерев К.* Спасет ли консенсус Суд? Размышления о роли европейского консенсуса в прецедентном праве Европейского суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian yearbook of the European convention on human rights) / М.В. Агальцова, А.Ю. Бушев, М.Р. Воскобитова и др. М.: Статут, 2016. Вып. 2: "Автономное толкование" Конвенции и "судейский активизм". 656 с.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 N 12-П "По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу "Анчугов и Гладков против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации"; Постановление

Конституционного Суда Российской Федерации от 19.01.2017 N 1-П "По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу "ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС" против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации" // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197028.

10. *Баранов П. П., Овчинников А. И*. Конституционная легитимность государственной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 7.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы" // https://giod.consultant.ru/documents/3705091.
12. *Бондарь Н. С., Джагарян А. А.* Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3.
13. *Баранов П. П*. Международное право и конституционное право Российской Федерации: современные проблемы соотношения, взаимодействия и взаимопроникновения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 1, с. 88-96.
14. *Зорькин В. Д.* Конституционная идентичность России: доктрина и практика. Доклад на Международной конференции «Конституционное правосудие: доктрина и практика». г. Санкт-Петербург, 16 мая 2017 года // http://www.ksrf.ru.

Podolyan Diana Alexandrovna, lecturer of the chair of humanitarian and socio-economic disciplines of Institute of water transport named G. Y. Sedov – the branch of the "State Maritime University named Admiral F. F. Ushakov" (8, Sedova st., Rostov-on-don, 344006, Russian Federation).
E-mail: podolyanda@mail.ru

THE FORMATION OF THE DOCTRINE OF CONSTITUTIONAL IDENTITY

Abstract

The article analyzes the current conflicts of national and supranational legal systems in the enforcement process, involving the national constitutional order of the state. This problem can be considered in the context of the assassination attempt on the constitutional principles, the constitutional system of the state, ultimately, its sovereignty. This research is devoted to reasons of the formation of the doctrine of constitutional identity, and the general principles that form its foundation and content. The interpretation of international law by the bodies of supranational judicial supervision should not go beyond the protection of universally recognized human rights and established constitutional principles of realization of human rights. It is necessary to consider the peculiarities of national mentality and historical and right-wing traditions.

Key words: *state, sovereignty, constitutional order, constitutional system, constitutional identity, legal doctrine, the Constitutional Court of the Russian Federation.*